

Библіографія.

Малорускія изданія 1882 года.

Журналу, посвященному исторіи южной Россіи и ея этнографіи, нельзя обходить молчаніемъ современные малорусскія изданія. Хотя они нвкогда почти не касаются исторіи южно-русской, но не рѣдко, и по вѣншей своей формѣ и по внутреннему содержанію, представляютъ разработку историческаго матеріала, каковымъ являются въ нихъ съ одной стороны языкъ, а съ другой—народныя, вѣками сложившіяся возрѣнія на жизнь и ея своеобразныя формы. Въ свою очередь и сами они, если не въ частности, то въ общемъ, какъ явленія переживаемой эпохи, становятся достояніемъ исторіи, котораго мы не должны оставлять безъ вниманія.

Эти нѣсколько словъ мы считаемъ нужнымъ сказать, начиная нашъ краткій, бѣглый обзоръ малорусскихъ изданій минувшаго года.

Этихъ изданій такъ не много, такъ не велики они по своему объему и такъ ограничены въ своемъ содержаніи, что мы затруднимся, говоря о нихъ, употребить названіе малорусской литературы. Такова судьба этой литературы, и говорить о причинахъ настоящаго ея положенія было-бы долго, да и не совсѣмъ удобно. Но, располагая говорить о малорусскихъ изданіяхъ послѣдняго времени, мы не можемъ не коснуться двухъ главныхъ, выдающихся теперь взглядовъ на малорусскую письменность, чтобы установить какую либо точку зрѣнія въ отношеніи къ тѣмъ изданіямъ, которыхъ мы коснемся въ нашемъ обзорѣ. Мы разумѣемъ здѣсь съ одной стороны людей, скептически, съ презрѣніемъ относящихся къ идеѣ, какъ они называютъ, украинофильской, и съ другой—цѣлителей этой идеи, сочувствующихъ ей, но не согласныхъ съ нѣкоторыми пріемами въ ея разработкѣ.

Первые, находя, что въ настоящее время малорусская письменность не можетъ играть никакой существенной роли, что писня ея слѣга, что она никому ни для чего не нужна, отрицаютъ почти всѣяны попытки творить что-нибудь на народномъ малорусскомъ языкѣ, утверждая, что для культурныхъ классовъ въ подобныхъ произведеніяхъ нѣтъ надобности, а для простолюдины долженъ служить языкъ обще-русскій. Если и можно, по ихъ мнѣнію, допустить малорусскую письменность, то только какъ средство доставить возможность культурнымъ классамъ ближе ознакомиться съ этнографическими, бытовыми особенностями малорусскаго племени, при чемъ, какъ не трудно догадаться, разумѣется не какое-либо научное, а такъ сказать потѣшающее изображение особенностей характера южно-русскаго простолюдина, въ родѣ анекдотовъ изъ малорусскаго быта. Представители этого взгляда, сходя на практическую почву, дѣлаютъ предостереженія въ тонѣ *saveant consules*, прибавляя, что при настойчивости всякое нарѣчіе можно возвести на степень языка, такъ какъ между нарѣчіемъ и языкомъ слишкомъ тонкая разница, и что поэтому нужно всѣ мѣры употребить для уничтоженія съ лица земли идеи украинфильской не только въ Россіи, но даже особенно — въ Галиціи и Буковинѣ. Всѣ попытки вступать въ споръ для выясненія дѣла съ подобными противниками не приводили до сихъ поръ ни къ какому результату, да и не могутъ привести, потому что вопросъ ставится въ такой формѣ, что на него отвѣтить нельзя, при отсутствіи довѣрія. Напрасно кто-нибудь смѣлъ-бы увѣрить ихъ, что политическое сенарированіе людьми противныхъ убѣжденій отнюдь не имѣется въ виду, что оно просто невозможно, что выработка мѣстной литературы имѣеть въ виду исключительно культурныя задачи; они готовы не въ шутку, а въ серъезъ отвѣтить классической фразой: «знаемъ мы, какъ вы въ карты играть не умѣете!»...

Представители другаго мнѣнія говорятъ, что въ настоящее время нѣтъ такой малорусской интеллигенціи, которая нуждалась-бы въ удовлетвореніи высшихъ духовныхъ потребностей путемъ малорусскаго слова, простой-же народъ настолько неразвѣтъ, что для него книгъ съ подобнымъ содержаніемъ совсѣмъ не нужно, и что, слѣдовательно, вся задача малорусской письменности до поры до времени должна состоять въ доставленіи возможности простому люду развиваться, читая на родномъ языкѣ произведенія, содержаніемъ своимъ вполне доступныя ихъ пониманію. Не отрицаютъ они настоятельной потребности поддержать малорусскую письменность, способствовать ея развитію, но только думаютъ что искусственными, такъ сказать, мѣрами достигнуть этого нельзя, а что народъ, развившись, самъ изъ себя выработаетъ двигатели литературы.

Не смотря на принципіальную разность отмѣченныхъ взглядовъ, въ результатѣ они сходятъ къ одному и тому-же—къ ограниченію и даже совершенному прекращенію малорусской письменности, по крайней мѣрѣ, къ застою въ ней—въ первомъ случаѣ невольному, въ послѣднемъ добровольному, но съ тѣми-же почти послѣдствіями, такъ какъ можно долго ждать и совсѣмъ прождать.

При такомъ положеніи основнаго вопроса о малорусской письменности странно было-бы заводить рѣчь о недавнихъ и текущихъ ея изданіяхъ: въ то время, когда одни ждали-бы появленія народныхъ гениевъ, которые двинули-бы впередъ малорусскую литературу, мы ждали-бы ихъ великихъ произведеній, чтобы повести объ нихъ рѣчь. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отбросить спорные вопросы о томъ, для кого или для чего нужно извѣстное литературное произведеніе, а отираяся отъ факта существованія новыхъ произведеній въ малорусской письменности, смотрѣть на нихъ, какъ на шагъ впередъ или назадъ, хорошій или дурной, во всякомъ случаѣ, какъ на извѣстное проявленіе умственной дѣятельности. Сვაжемъ даже болѣе: въ тотъ моментъ, когда идетъ выработка литературнаго языка, ни одно произведеніе, сколько-нибудь сносное, нельзя считать лишнимъ, такъ какъ только изъ суммы всего, путемъ талантливаго выбора, получается болѣе совершенная форма языка. Мы совершенно признаемъ справедливость слѣд. словъ г. Пыпина: «обыкновенно заслуга улучшенія литературнаго языка считается дѣломъ великихъ писателей, и не подлежитъ сомнѣнію заслуга, оказанная Ломоносовымъ, Державинымъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ и проч.; но сущность ихъ дѣла состоитъ въ томъ, что талантъ дѣлалъ ихъ чуткими къ тому возстановляющему процессу языка, о которомъ мы говоримъ: они не занимались изобрѣтеніемъ словъ съ преднамѣреннымъ удаленіемъ чужихъ, но большею частью только художественно пользовались существовавшимъ въ оборотѣ матеріаломъ языка, и въ результатѣ ихъ дѣло казалось преобразованнымъ»¹⁾. Смотри съ этой точки зрѣнія, можно вполнѣ оправдать всякое, болѣе или менѣе, талантливое произведеніе; если даже оно оказывается по содержанию своему лишнимъ для лицъ, за нимъ остается все-таки важное значеніе орудія для совершенствованія и выработки самого языка. Въ особенности это должно относиться къ переводной литературѣ; въ ней всего менѣе усматривается надобности, но она служитъ хорошимъ средствомъ, такъ сказать, шифровки имѣющагося лексическаго матеріала. Понятно, что выработка литературнаго языка не можетъ быть произведена помимо

¹⁾ „Вѣстн. Евр.“ 1882 г. № 11, стр. 187.

влянія самого народа; напротивъ, только постигнувшій вполне духъ народа писатель въ состояніи выработать культурный, книжный языкъ, не идущій въ разрѣзъ съ характеромъ народной живой рѣчи.

И такъ не будемъ очень строги къ выходящимъ вновь сочиненіямъ на малорусскомъ языкѣ и не станемъ много заниматься вопросомъ, для *кого* нужно каждое изъ нихъ, помни, что вопросъ этотъ въ данномъ случаѣ второстепенный.

Переходи теперь къ обзорѣнню вновь вышедшихъ въ 1882 г. книгъ на малорусскомъ языкѣ, мы раздѣлимъ ихъ на три группы: 1) изданія повторенныя; 2) новыя произведенія самостоятельныя, и 3) новые переводы съ другихъ языковъ.

I.

Повторенныя изданія, конечно, прежде всего должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія ихъ пригодности для *кого-нибудь*, — иначе самое появленіе ихъ вторично на свѣтъ не можетъ быть оправдано ничѣмъ, развѣ если они повторяются съ большими исправленіями прежняго. Въ 1882 г., насколько мнѣ извѣстно, вышло повторенныхъ изданій 14. Скажемъ кратко о каждомъ изъ нихъ.

1) *Бабуся зъ тою світу, оповідання про померши души*. Кіевъ 1883 г. Ц. 5 к. (Хотя поставленъ 1883 г., но вышла она 1882 г.)

Этотъ маленькій рассказъ напечатанъ былъ въ первый разъ въ «Запискахъ о южной Руси» Кулиша, а въ 1861 году изданъ былъ въ Петербургѣ отдѣльной книжечкой и, вѣрнѣе всего, тогда-же предназначался для народнаго чтенія. Понятно, если книга предназначается для народа, то можно оправдать не только второе изданіе ея, но и третье, четвертое и т. д., хотя все-таки нужно подумать и о томъ, пригодна-ли она для этой цѣли. По поводу данной книги мы должны признаться, что не вполне понимаемъ цѣль и перваго ея изданія, а тѣмъ болѣе втораго, черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ болѣе правильно установилось воззрѣніе на матеріаль для народнаго чтенія. Рассказъ этотъ есть народная сказка, записанная П. Кулишомъ подъ Кіевомъ, содержаніе которой состоитъ въ слѣдующемъ. Баба Дубиниха, умершая и побывавшая было на томъ свѣтѣ, вернулась опять на землю и рассказываетъ о разныхъ мученіяхъ, которымъ подвергаются въ аду различнаго рода грѣшники; характеръ этихъ мученій вполне, конечно, согласуется съ очень распространенными въ народѣ типическими рассказами о загробной жизни. Не говоря уже о томъ, что нѣсколько страннымъ кажется преподносить народу для чтенія то, что отъ него самого взято, о чемъ онъ самъ рассказать намъ, особенно въ сказкахъ, лучше другихъ видовъ его поэзіи сохраняющіеся у него и до сихъ поръ;

но данная сказка, издаваемая печатно для народа, имѣеть еще и ту невыгодную сторону, что способствуетъ укрѣпленію въ немъ тѣхъ суевѣрій, которыми онъ и такъ переполненъ. Пока суевѣріе изустно бродитъ въ народѣ, оно имѣеть для него нѣкоторую прелесть поэтическаго разсказа, отъ вѣры въ правдивость котораго можно и отказаться, но подтвержденное печатно безъ всякихъ комментариевъ оно укрѣпляется въ немъ, такъ какъ народъ *печатному отрицать, какъ безусловной истинѣ*, особенно въ такомъ вопросѣ, какъ загробное существованіе. Другое дѣло сказки бытовья, и особенно историческія пѣсни, почти исчезающія изъ памяти народной; онѣ, да и то не въ первоначальномъ, а обработанномъ видѣ или, лучше сказать, въ пересказѣ съ комментаріями, могутъ составить прекрасный матеріалъ для народнаго чтенія и поученія. Прекрасный примѣръ такого изданія мы видѣли въ книгѣ «Про украинськихъ козаківъ, татаръ та турківъ», изданной въ Кіевѣ 1876 г. и составленной въ формѣ историческаго популярнаго разсказа, освѣщеннаго народными украинскими пѣснями.

И такъ, ни перваго, ни тѣхъ болѣе втораго изданія разбираемой нами книги оправдать нельзя.

Нечего и говорить о томъ, что это изданіе не для культурныхъ классовъ, потому что кто-же издаетъ этнографическій матеріалъ въ видѣ отдѣльной сказки, облеченной въ форму 5-ти копѣечной книжки? Назначать ее для дѣтскаго чтенія, въ виду вышесказаннаго, тоже неудобно.

2) *Дві казки. I. Півнівника, львівська дитська казка, по нашому розказавъ Панько Казюки. II. Цыганъ, уривокъ изъ казки П. А. Куліша.* Кіевъ. 1883 г. Изданіе Натолкина. (Вышла тоже не въ 1883 г., а въ 1882 году).

Подобно предыдущей книжкѣ, это изданіе является тоже повтореніемъ изданій, выходившихъ въ началѣ 60-хъ годовъ подъ названіемъ «Сільска бібліотека». Первая сказка вышла въ свѣтъ первоначально въ 1861 г. и напечатана была въ «Основѣ», а затѣмъ и отдѣльно, а вторая въ 1862 г. Сказки эти значительно отличаются содержаніемъ своимъ отъ только-что разобранной, и новое изданіе ихъ виолнѣ понятно, принимая во вниманіе, что обѣ онѣ могутъ служить очень хорошимъ матеріаломъ для чтенія дѣтямъ, а также и простонародію. Въ сказкѣ «Півнівника» (половина вѣтуса) очень характерно и своеобразно объясняется обычное украшеніе на воротахъ и крыльцахъ домовъ, встречающееся въ селахъ и уѣздныхъ городахъ, — вѣтусахъ металлическій. вращающійся при вѣтрѣ на пицѣ. Въ сказкѣ «Цыганъ» очень недурно освѣщено состояніе пьянаго цыгана, которому снится, что онъ

сталъ паномъ и предается разнымъ веселіямъ, живучи въ роскоши; но разбуженный прохожими, онъ насилу опомнился и съ горестію увидѣлъ себя въ свѣемъ прежнемъ положеніи. Обѣ эти сказочки, хотя и небогатыя содержаніемъ и мало поучительныя, могутъ однако служить интереснымъ чтеніемъ для дѣтей потому, что фабула очень проста, вслѣдствіе чего переходъ отъ неестественнаго къ естественному весьма легко, а въ сказкахъ предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, какъ мы думаемъ, это—необходимое условіе, такъ какъ черезчуръ фантастическій вымыселъ, вводящій дѣтскій умъ въ міръ чертей, вѣдьмъ и всякихъ духовъ, что таеъ нравится дѣтямъ, только разстраиваетъ ихъ слабыя нервы и способствуетъ ненормальному развитію фантазіи. Однимъ словомъ, новсе изданіе обѣихъ книжекъ нельзя считать лишнимъ.

3) *Байки Леоніда Глѣбова*. Выданія третье. Кіевъ. 1882 г.

Г. Глѣбовъ очень хорошо извѣстенъ слѣдующимъ за малорусской письменностью, какъ талантливый передѣльватель басенъ, которыя первоначально печатались въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Основѣ» въ 1861—62 г., а затѣмъ два раза были изданы отдѣльной книжкой. Появленіе въ свѣтъ настоящаго третьяго изданія, сравнительно съ первыми оставшагося безъ измѣненія, свидѣтельствуетъ о томъ, что книжка басенъ его имѣетъ успѣхъ, особенно если принять во вниманіе, что первыя изданія уже года четыре тому назадъ разошлись и въ продажѣ ихъ не было. Настоящее, очень дешевое изданіе, выпущенное, какъ мы слышали, въ количествѣ 10,000 экз., сдѣлаетъ возможнымъ проникновеніе басенъ г. Глѣбова и въ крестьянскую среду, такъ какъ прежнія изданія были сравнительно дороги и потому не могли попадать въ офенямъ, черезъ которыхъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ и проникаютъ книги въ народъ. А проникновеніе подобной книги въ народъ болѣе чѣмъ желателно, особенно для чтенія крестьянскимъ дѣтствомъ: языкъ безукоризненно хорошъ; фабула басенъ очень интересна и проста, аллегорія раскрывается легко, а правоученіе высказано сжато, но сильно, что и составляетъ главное достоинство басни. Если прибавить къ этому, что сатирический элементъ басенъ выполненъ прекрасно, какъ вслѣдствіе талантливости автора, такъ и благодаря украинскому языку, дающему все средства для пропіи, то вполне станетъ понятнымъ, что басни Глѣбова могутъ служить весьма интереснымъ и педагогическимъ чтеніемъ для крестьянскихъ дѣтей и даже взрослыхъ. То-же самое слѣдуетъ сказать и относительно дѣтей нашихъ культурныхъ классовъ, которые съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе отдаляются отъ роднаго мѣста; для нихъ чтеніе такихъ произведеній, какъ разбираемая нами книжка, даже необходимо, въ виду на-

стоятельной потребности развить чутье языка въ будущихъ культурныхъ дѣятеляхъ Украйны, которая въ данный моментъ очень въ нихъ нуждается. А это чутье языка лучше всего можно привить въ дѣтскомъ возрастѣ, который, съ одной стороны, болѣе воспримчивъ, а съ другой—и на будущее время укрѣпнть любовь къ родному языку и заставить помнить завѣтъ нашего украинскаго поэта: «чужому научайтесь и своего не цурайтесь».

4) *Байки по Крылову М. Старицкого*. Выданные друге, выправлене. Кіевъ. 1882 г.

Это изданіе, теперь сравнительно исправленное, вышло въ первый разъ въ 1874 г. и, подобно баснямъ Глѣбова, въ большинствѣ случаевъ составляетъ переводъ, а не передѣлку басенъ Крылова; слѣдовательно о самихъ басняхъ говорить нечего. Остается вопросъ, насколько удачно сдѣланъ переводъ, какъ по языку, такъ и по силѣ и меткости выраженій, которыя конечно должны были нѣсколько пересоздаться при переводѣ на другой языкъ. Сравнивая переводъ Старицкаго съ переводомъ Глѣбова, нужно признать, что относительно языка онъ уступаетъ послѣднему: у Глѣбова языкъ народный, ни на одномъ словѣ не занешься, не задумаешься, ни одно выраженіе не рѣжетъ уха. У г. Старицкаго нрѣдко попадаются такіа выраженія, падеъ которыми остановишься по неволѣ. Быть можетъ, и у Глѣбова есть слова *кованья*, но ихъ не чувствуешь, значить—они слованы совершенно по народному тину, а въ этомъ и состоитъ задача творчества языка. У г. Старицкаго многое рѣжетъ ухо, идутъ подъ рядъ такіа слова, что понять ихъ—поймешь, объ ихъ значеніи догадаешься, но чувствуешь въ нихъ такой букетъ, котораго конечно никакими реальными измѣреніями не определишь, но который даетъ понять, что слово выдѣлано гдѣ-то въ особой готовальнѣ. Для примѣра хоть-бы заглавіе книжонки: «Байки по Крылову», или заглавіе первой же басни *Гави та лысыця*. Если это переводъ, переложеніе, то зачѣмъ-же: по Крылову, а не Крылова? «Байки по Крылову»—ни по русски, ни по малорусски. Опять, къ чему эта *Гави*, когда общеупотребительно у малороссовъ тоже слово—*ворона*? Или вотъ начало этой басни:

Вже скільки разъ наказувано *миру*,
Що щиросты въ облесныба (лъстеца) нема,
Що *лестоці* (лесть)—брехня...

И далѣе:

І помынай, якъ звали *хвалія!*

Подчеркнутыя слова понятны, они и произведены отъ употребительныхъ корней и, быть можетъ, гдѣ нибудь и употребляются, но въ данномъ сочетаніи они рѣжутъ ухо; что-же касается послѣдняго слова *xвалій* (хваляцій, льстець), то въ народномъ языкѣ его нѣтъ, а явилось оно у переводчика только изъ необходимости выдержать размѣръ и подобрать риму къ словамъ: *моя, вона* (при чемъ рима вышла не изъ удачныхъ). Вообще замѣтно, что не всегда рима во власти г. Старицкаго, а иногда онъ подчиняется ей, что конечно очень затрудняетъ плавность рѣчи. Въ этой-же баснѣ есть выраженіе, повидимому, мѣткое, исполненное образности, фигуральности, но не только неупотребительное, а положительно неестественное: *сі все ті очі задрісі на сирові пасе* (пожираетъ завистливыми глазами сыръ; дословно—пасеть на сырѣ завистливые глаза). Можно-ли кусочекъ сыру сравнивать съ пастбищемъ и глаза приравнивать къ лошадиамъ или водамъ?—Намъ кажется, что нашимъ переводчикамъ не достаеетъ прежде правильной концепціи представленій, а потому уже знанія народнаго языка... Впрочемъ о языкѣ переводовъ г. Старицкаго намъ еще придется говорить по поводу новыхъ его изданій.

5) *Сороцькийський ярмарокъ*, изъ «Вечерівъ на хуторі біля Дыканьки» М. Гоголя. *Переклавъ М. Старицький*. Изд. 2-е Ильницкаго. Кіевъ, 1883 г. (вышло тоже въ концѣ 1882 г.).

Когда читаешь произведенія Гоголя, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ малорусской жизни, невольно, будучи малороссомъ по происхожденію, всѣ разговоры дѣйствующихъ лицъ переводить на народный языкъ, такъ какъ чувствуешь неестественность типическихъ малорусскихъ выраженій въ литературно-русскомъ пересказѣ. Но иное дѣло разговоры дѣйствующихъ лицъ и иное картинны природы и размысленія автора, постоянно встрѣчающіяся въ разсказахъ Гоголя.

Послѣднія совсѣмъ недоступны народному пониманію, какъ по отвлеченности представленій, такъ и по изысканности поэтическихъ выраженій, совершенно несходныхъ съ поэтическими народными образами. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли простолюдинъ не то что проникнуться величіемъ слѣдующаго мѣста, но даже просто понять его: «Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, запуль, весь потонувши въ вѣтѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!» А вѣдь такихъ мѣстъ въ разсказѣ много. Да не только это мѣсто, но иное и попроще при чтеніи представитъ неодолимое затрудненіе, напримѣръ, обтираль онъ лотъ съ длинныхъ усовъ, снандуренныхъ тѣмъ неумолнымъ па-

рямахеромъ, который безъ зову является, и къ красавицѣ, и къ уроду и насильно цудритъ нѣсколько тысячъ уже лѣтъ весь родъ человѣческій». Г. Старицкій, повидимому, самъ чувствовалъ, что такія мѣста, какъ ихъ не переводи, будутъ непонятны для народа, и потому приведенное мѣсто онъ совсѣмъ измѣнилъ, не сдѣлавъ его нисколько понятнѣе, а въ художественномъ отношеніи просто исковеркавъ его: онъ нашелъ возможнымъ парикмахера замѣнить *мірошникомъ* (мельникъ), и вотъ этотъ мірошникъ *борошнить* (обсыпаетъ мукой) *увось ридь людський* — картина далеко не изъ удачныхъ. Другое подобное мѣсто приведемъ цѣлкомъ въ подлинникѣ и переводѣ, чтобы читатели могли судить о томъ, къ чему могутъ приводить усилія людей, которые не желаютъ знать никакихъ трудностей. Вотъ заключительныя слова разсказа Гоголя:

«Не такъ-ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышать уже грусть и пустыню и дико внемлетъ ему».

«Чи не такъ пакъ, радосте, хороша та непосыдкая госте, і ты одъ насъ льнешпъ-вныкаєшь, і даремне самотній згуєть дума зъявити веселоць? Въ своїмъ власнімъ лунанні уже чує вінъ смутокъ і пустку і прислухається дико до ёго».

Оставляемъ въ сторонѣ частности языка, такъ какъ, повторяемъ, о языкѣ произведеній г. Старицкаго будетъ еще рѣчь впереди.

6) *Різдяна нічъ, музыкальна комедія съ 4-хъ дѣяхъ. (Тема по Гоголю). Текстъ і вірші М. Старицького. Муз. М. Лысенка. Выданье 3-е. Кіевъ, 1882 г. Ц. 50 к.*

Третье, исправленное и даже передѣланное изданіе! Значитъ, оно цѣнится, оно удовлетворяетъ чьимъ-то потребностямъ, или вкусамъ? Чѣмъ-же именно удовлетворяетъ? Тутъ разсказъ Гоголя «Ночь передъ Рождествомъ» въ драматической формѣ, при томъ съ музыкою г. Лысенка. Сюжетъ, форма, музыка — вотъ въ чемъ главная приманка изданія, но и языкъ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ г. Старицкаго; онъ менѣе страдаетъ вычурностью и свѣжевыкованыхъ словъ въ «Різдяной ночи» можно встрѣтить очень мало. Объясняется это тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица — изъ престопагодіа, при чемъ сама разговорная форма рѣчи не требовала отъ автора излишнейковки, такъ какъ всѣ разговоры не выходять за предѣлы обыденной народной жизни и, слѣдовательно, народнаго матеріала языка обазывалось вполне достаточно для передачи понятій.

7) *Простакъ, абъ хытроці жінкы, перехытрені москалемъ. Кумедія въ одній дѣйі. Соч. В. О. Гоголя. Друге выданья. Кіевъ, 1882 г. Ц. 15 к.*

Это, такъ сказать, нашъ *старый другъ*; онъ хотя не лучше новыхъ двухъ, но, при настоящей бѣдности украинской драмы, можетъ сослужить свою службу. Это единственная удѣлѣнная отъ Гоголя - отца комедійка; о ней, со времени ея появленія въ свѣтъ (напечатана въ первый разъ въ «Основѣ» за 1862 г., № 2, и затѣмъ издана отдѣльно въ Кіевѣ въ 1872 г.; также помѣщена въ галицкомъ изданіи: «Руська Библіотекка» т. I) и по поводу постановки ея на сценѣ было много самыхъ разнородныхъ отзывовъ. Приведемъ лучший изъ этихъ отзывовъ, который принадлежитъ извѣстному П. А. Кулишу. «Василій Аванасевичъ Гоголь, говоритъ онъ, будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для ея воссозданія. Шутка и пѣсни для пріятнаго пропровожденія времени—вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту; и Гоголь - отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи. Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранялъ во всемъ естественность и правдоподобіе. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы ясно указываютъ, что этогъ чловѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ-бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ немудрено набрать чловѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самаго положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь—сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустные размышленія»¹⁾. Этими словами г. Кулиша вполне характеризуется разбрасанная нами пьеса и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и водевильное отношеніе нашихъ старыхъ писателей къ народу. По поводу этого послѣдняго конечно нужно желать, чтобы комедіи въ родѣ «Простава» стуживались среди обилія серьезныхъ украинскихъ драмъ; но подвергать ихъ злому осужденію и даже изгнанію, какъ это дѣлаютъ иные, право не слѣдуетъ, такъ какъ надо помнить, что не въ этой веселой шуткѣ сказывается насмѣшка надъ народомъ, а въ болѣе серьезныхъ и глубокихъ сторонахъ жизни нашихъ культурныхъ классовъ.

8) *Орысл, ідилія П. А. Кулиша*. Кіевъ, 1833 г. (вышла въ концѣ 1882 г.). Изд. Наголкина.

Она представляетъ собою такой задушевный, простой рассказъ, что мы безъ всякаго упрека встрѣчаемъ его и теперь, спустя 25 лѣтъ. Раз-

¹⁾ «Основа», 1862 г., № 2, стр. 22.

сказъ этотъ дѣйствуетъ успокоительно на нервы, переноса насъ въ тотъ тихій, мирный кругъ, который и существуетъ только въ поэзіи; для простолюдина-же рассказъ этотъ тѣмъ болѣе можно считать вполнѣ пригоднымъ, что не все-же жить ему тяжелой будничной жизнью, а не мѣшаетъ хоть изрѣдка улетать мечтами въ иную, пожалуй неосуществимую, но за то спокойно-радостную обстановку. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ идиллія издана безъ картинокъ, которыя были приготовлены для перваго изданія 1861 г., но не были къ нему приложены. Идиллія эта была переведена на нѣмецкій языкъ въ 1868 г. и помѣщена въ «*Fliegende Blätter*». Какъ ни привлекательна и свѣжа «Ормса» и востѣ 25-тилѣтней жизни, но новому издателю ея, г. Паголкину, все-таки не слѣдовало выпускать ее въ свѣтъ совсѣмъ молоденькою и хоть намекнуть на то, что это уже 2-ое изданіе.

9) *Не можна бабі Парасі вдержатись на селі. И. Левицького.* Кіевъ. 1882 г.

10) *Блшословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти. Ю-же.* Кіевъ. 1882 г.

Эти маленькіе рассказы принадлежатъ хорошо извѣстному въ Малороссіи современному писателю И. С. Левицькому, который подарилъ украинскую литературу многимъ талантливыми произведеніями. Первый изъ этихъ рассказовъ, насколько помнится, былъ первоначально помѣщенъ въ «Кіевлянинѣ» и въ галицкой «Правдѣ» за 1874 г., потомъ вошелъ въ цѣлый томъ повѣстей автора, изданный въ 1874 г., затѣмъ вышелъ въ 1875 г. отдѣльной книжечкой, и наконецъ теперь явился вторымъ отдѣльнымъ изданіемъ. Второй рассказъ, напечатанный первоначально въ галицкой «Правдѣ» за 1875 г., появился отдѣльной книжечкой въ 1875 г. и теперь тоже изданъ 2-ой разъ. Оба рассказа совершенно противоположны по сюжету только-что разобранному: тутъ ужъ и намекъ нѣтъ на идиллію, а самая будничная крестьянская проза съ особымъ оттѣнкомъ сельской жизни, въ которой постоянно встрѣчаются выведенныя въ рассказахъ бабы Параска и Палажиа. Это — типическія сварливыя бабы; каждая изъ нихъ желаетъ представить себя несчастной, обижаемой, никому не желающей зла, но въ то-же время мимовольно обнаруживающей самыя острые, ѣдкіе когти; это большія щебетухи, способныя въ одну минуту наказать всякой грязи противъ всѣхъ и въ то-же время рекомендующія себя какъ нельзя болѣе со стороны смиренія и полного незлобія. Надо отдать справедливость автору, что типы эти подмѣчены и схвачены имъ замѣчательно живо, но оба эти рассказа одинъ безъ другаго являются неполными; по нашему мнѣнію, необходимо читать ихъ оба похъ рядъ, а для этого лучше-бы и издать ихъ въ одной книжкѣ, а не каждый отдѣльно.

11) *Дві москвовки. Повість Н. Левицького.* Київ. 1882 г. Ц. 40 к.

Эта повѣсть Левицького у насъ, въ Россіи, появляется теперь впервые въ печати, первоначально-же она была напечатана въ 1868 году въ Галиціи въ газетѣ «Правда», а затѣмъ вошла въ отдѣльный томъ сочиненій автора — «Новісті І. Нечуя» (псевдонимъ), изданныя во Львовѣ въ 1872 г. Сюжетъ ея, взятый изъ народнаго быта, относится ко временамъ давно минувшаго вѣрбостнаго права, долгой солдатской службы и существованія военныхъ кантонистовъ. Разсказъ представляетъ полную горь и страданій жизнь двухъ солдатскихъ женщ., или по народному «москвовокъ», т. е. такихъ двухъ женщинъ, которыя вмѣли несчастье выйти замужъ за двухъ односельчанъ, попавшихъ раньше въ военную службу и потомъ получившихъ безсрочный отпускъ. Это двѣ крестьянскія дѣвушки одного украинскаго села Ганна и Марина, не знавшія горь до замужества, горячо любившія другъ друга и даже влюбившіяся въ одного и того-же отпускнаго солдата. Марина должна была уступить Ганинѣ жениха и выдти замужъ за нелюбя, также солдата; но жизнь обоихъ одинаково печально идетъ и заканчивается. Мужей снова потребовали въ службу, и обѣ подружки остались такъ называемыми соломенными вдовами, лишившись своихъ кормильцевъ и вмѣстѣ возможности вступить въ новое замужество. Обѣ живутъ въ нуждѣ и горѣ. Ганна сосредоточиваетъ свою любовь на сынѣ, а Марина гуляетъ съ «хлопцями», насколько позволяетъ строгость сельскихъ нравовъ и отношеній. Но едва подростшаго сына Ганны берутъ въ школу военныхъ кантонистовъ, гдѣ его чистая натура совершенно извращается и даетъ самый жалкій и уродливый типъ разгульнаго военнаго писаря, утратившаго въ казарменной атмосферѣ всякое природное и нравственное чувство. Уже одно то, что по уходѣ мужа Ганны, болѣе не возвращавшагося, отъ нея насильно оторвали единственное любимое существо — малолѣтняго сына, надломилло ея силы; но когда она, спусти много лѣтъ, получила отъ него дикое письмо изъ Тулы, не оставившее сомнѣнія въ томъ, что сынъ ея нравственно умеръ для нея, — одно сознаніе того, что не осталось уже для нея никакой радости и надежды въ этомъ мѣрѣ, помимо подавляющей нищеты, подкосило ея жизнь, и она умерла на рукахъ подружки юности своей Марины, а эта послѣдняя, не знавшая привязанности и счастья въ мимолегномъ бракѣ, послѣ недолгаго раздумья, переходитъ, по совѣту одной случайной знакомой, въ большой городъ, отдается грубому разврату и въ пьяныхъ ночныхъ оргіяхъ съ солдатами печально кончаетъ жизнь среди улицы.

Судьба этихъ двухъ москвовокъ не придумана искусственно, но списана авторомъ съ натуры; въ старое время такіе факты семейнаго не-

счастья были обыденнымъ явленіемъ. По нѣжности струнъ, которыя звучать въ повѣсти, по тишинности характеровъ, выведенныхъ въ ней, повѣсть «Дві московкы» прочтется съ удовольствіемъ въ бѣдномъ сельскомъ кругу, не только, какъ воспомнаніе о недавнемъ прошломъ, но и какъ варіація тѣхъ испытаній судьбы, которыя и теперь такъ нерѣдки въ сельской жизни. Въ художественномъ отношеніи повѣсть представляетъ нѣкоторые недостатки; ея сюжетъ нѣсколько устарѣлъ, тема семейныхъ несчастій въ простомъ быту довольно избита и затаскана, въ добавокъ эта слащавость въ описаніяхъ природы и красоты того или другаго лица, составляющая органическій недостатокъ автора и повторяющаяся во всѣхъ почти его повѣстяхъ.

12) *Катерина. Т. Шевченки.* Кіевъ, 1882 г., изд. 4-е.

Хотя въ заглавіи этой книжечки только стоитъ «Катерина», но въ видѣ сюрриза для читателя въ концѣ помѣщена еще и извѣстная дума кобзаря «Перебендя». Говорить что-нибудь объ этомъ изданіи совершенно излишне; тутъ само за себя говоритъ имя Шевченка и то обстоятельство, что, не смотря на 10 изданій его «Кобзаря» и 3 изданія отдѣльными книжечками, настоящее изданіе вышло въ 25 тысячахъ экземпляровъ. Не въ убытокъ-же и не по прихоти предпринимаются такіа изданія!

13) *Де-що про світь Божій.* Выдан. 4-е .І. Ильницьаго. Кіевъ 1882 г. Ц. 20 к.

Это—единственная книжка изъ всѣхъ повторенныхъ изданій, относящаяся къ научно-популярнымъ изданіямъ, предназначенымъ для народа. Если не ошибаемся, подобныя книги на малорусскомъ языкѣ ведутъ свое начало съ 1839 года, когда появилась книжечка *Грицька Основьяненка*: «Лысты до любезныхъ земляківъ». издан. въ Харьковѣ. Содержаніемъ своимъ книжка эта обнимала главные вопросы, экономическіе, административные, судебные и др., которые ежедневно являлись въ жизни простолюдина. Въ свое время книжечка Основьяненка (Квитки) произвела самое благоприятное впечатлѣніе, такъ что даже рецензентъ «Маяка» 1840 г. предлагалъ перевести ее на русскій языкъ и десятками тысячъ выпустить въ свѣтъ по дешевой цѣнѣ. Но, не смотря на такіе отзывы, «Лысты» эти долгое время не имѣли подражателей, и только въ концѣ 50-хъ годовъ стали появляться опять научно-популярныя книжки для народа, какъ, напримѣръ, хорошо извѣстные всѣмъ «Лысты зъ хутора». Къ этому-же періоду относится и первое изданіе разбираемой нами книги «Де-що про світь Божій», изданной въ Кіевѣ въ 1863 году «коштомъ К. Гурга» (т. е. компанейски). Второе изданіе ея тоже было въ Кіевѣ въ 1871 г., третье—въ Одессѣ въ 1874 г., и н.д.

конецъ, настоящее четвертое изданіе — оныть въ Кіевѣ. Цѣль книги познакомить простолюдина съ міромъ Божиимъ въ его главнѣйшихъ проявленіяхъ, а именно: тутъ рассказывается о землѣ, о солнцѣ, о звѣздахъ, о мѣсяцѣ, о теплотѣ, о водѣ, о воздухѣ, о погодѣ, а въ видѣ предисловія стоитъ глава — о грамотности (про письменство). Книга эта оказалась составленной настолько хорошо, что не только выдержала три изданія, но и была переведена на русскій языкъ въ 1872 г. («Свѣтъ Божій», изд. Черкесова), каковой переводъ одобренъ и ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

14) *Сцены и рассказы изъ малорусскаго народнаго быта. Петра Раевскаго.* 4-е издан. доколненное. Кіевъ, 1882 г. Изд. Корейво.

Если книжка появляется въ свѣтъ 4-мъ изданіемъ, значитъ она находитъ кругъ своихъ читателей. Несмотря на это, мы понять не можемъ, какіи достоинства названной книги могутъ заставить читать номѣщенные въ ней рассказы. Это цѣлый рядъ очень неостроумныхъ анекдотовъ, желающихъ представить нашего простолюдина въ смѣшномъ видѣ. «Смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что истинно смѣшно», и мы понимаемъ смѣхъ надъ порокомъ, какъ нравственнымъ недостаткомъ; но когда все остроуміе основано на томъ, что мужикъ лимоны называетъ «фылымонамы» и, думая, что они вкусны, покупаетъ и ѣсть ихъ, браня продавца, то невольно вспоминается очень дешевый балаганный приемъ остроумія. А между тѣмъ во всей книжкѣ найдется не болѣе 5 рассказовъ (изъ 48), заключающихъ въ себѣ сколько нибудь дѣйствительнаго остроумія и юмора.

Такова малорусская письменность 1882 г. въ изданіихъ повторенныхъ!

Новія, романъ П. Мирногю. Частина перша. („Рада“, украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.)¹⁾

Романъ изъ крестьянскаго житія, картина жизни народа... вотъ задача, передъ которой остановилась русская беллетристика. Попытокъ было много, но многое-ли сохранило жизнь изъ всего этого? Кому удалось справиться съ этой задачей? Тотъ, кому нѣтъ ничего недоступнаго: Левъ

¹⁾ Авторъ этой замѣтки, препровождая ее въ редакцію журнала, пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „историческая пауза, повернувшая съ дороги протоколированья вѣднѣйшихъ фактовъ и событій на путь изученія нравовъ, направленій мысли и измѣненій во времени характера и духа человека, все болѣе и болѣе даетъ цѣну художественному воспроизведенію жизни и стала вѣрить прозорливому, творческому оку поэтовъ наравнѣ съ несомнѣнными историческими документами. Художественный романъ, какъ

Толстой, въ «Утрѣ помѣщика», въ «Казачахъ», «Полубукѣ», военныхъ разсказахъ, — дать живые типы. Въ «Запискахъ Охотника» типы эти только угаданы, намѣчены силуэтами... Зналъ и умѣлъ писать ихъ Мельниковъ, Глѣбовъ Успенскій, кой-гдѣ Рѣшетниковъ... Перечень не великъ для такой литературы какъ русская, хотя въ ней произведеній изъ крестьянской жизни появляется многое множество. Отличительная черта этихъ вещей — безграничность обобщеній, трактованье *народа*, какъ какой то однородной, собирательной единицы, воспроизведеніе его съ исключительной точки зрѣнія его сословнаго и имущественнаго положенія. Въ лицахъ этихъ произведеній нѣтъ правдивой внутренней жизни, нѣтъ индивидуальности, а то художественное произведеніе, гдѣ нѣтъ живого *человѣка*, — мертво и обречено заранѣе на равнодушіе и забвеніе. Вотъ почему такъ слабъ успѣхъ многочисленныхъ повѣствователей „изъ народнаго быта“ и не только шаблонныхъ, не знающихъ народной жизни, хотя и гуманно настроенныхъ, но и даровитыхъ, какъ напр. Златовратскій, облакающій въ простонародныя формы свои идеалы и мечтанія и тѣмъ лишающій свои произведенія существеннѣйшаго элемента въ искусствѣ — правды... — Нѣтъ знанія народной жизни и нѣтъ также въ изображеніи этой жизни *человѣка*, вѣрнаго чутья его внутренняго міра, его души, его характера.

Малорусская словесность всегда сохранила преимущество въ этомъ отношеніи. Будучи простонародною съ самаго возникновенія, элементарнымъ требованіемъ ставила она знаніе народной жизни. Она не избѣгла вліяній времени: сентиментализма и т. под., но въ коренныхъ своихъ представителяхъ высоко держала знамя правды. Шевченко, дивный самородокъ, сочетавшій „полетъ орла съ сердцемъ голубицы“, даръ поэтического творчества съ непосредственностью крестьянскаго міросозерцанія, голосомъ самаго народа нѣлъ о его долѣ, о его прошломъ. Квитка

наиболѣе совершенная и наиболѣе захватывающая форма поэзи, доведенный до того развитія, на которомъ онъ находится нынѣ, становится картиной текущей жизни, уясняет ея смыслъ, освѣщаетъ общественные типы и будущему историку даетъ самый богатый, самый живой матеріалъ для изученія давняго историческаго момента. „*Comédie Humaine*“ Бальзака, романы Диккенса, Тэкерэя, Додэ — суть „человѣчскіе документы“, историческіе матеріалы, обойдти которые не будетъ въ правѣ будущій бытописатель. Что замѣнить Гоголя въ изученіи жизни и многообразныхъ типовъ крѣпостной эпохи и въ представленіи гнилицы, вызванной удушливой атмосферой бюрократизма и отсутствія живой струи общественной самодѣтельности? Можеть-ли миновать будущій историкъ русскаго общественнаго развитія романа Тургенева, а гдѣ, какъ не въ „Аннѣ Карениной“ найти оны болѣе яркую картину жизни культурныхъ классовъ нашей эпохи и разложенія такъ называсмаго высшаго круга?... Повторяемъ эту азбуку для тѣхъ, кому могло-бы показаться страннымъ появленіе въ историческомъ журналѣ строкъ, посвященныхъ бытовому роману“...

въ «Маруся» представили неувиданное откровеніе сельскаго духа, начертала эпопею сельскаго трудового житія. Кулишъ, своимъ свѣтлымъ умомъ, бросалъ лучи на настоящее и прошлое... Произведенія второстепенныхъ, даже мелкихъ, талантовъ держались требованій правдивости. Установился извѣстный уровень; всякая фальшь, безъ которой, конечно, не обходилось, скорѣе изобличалась, быстрѣе бросалась въ глаза... Въ послѣдніе годы, не оскудѣвающая нива украинской поэзии вывела новаго дѣятеля: авторъ «Двухъ Московокъ», «Бурлачки» и другихъ превосходныхъ вещей г. Левинкій завоевалъ симпатіи своимъ многостороннимъ поэтическимъ дарованіемъ.

Предъ нами первая часть обширнаго произведенія новаго писателя. Нельзя представить себѣ ничего проще этого начала романа, гдѣ нѣтъ ни тѣни разсчитанности, ни одной черты, бьющей на эффектъ. Отчего же нельзя оторваться отъ этихъ строгихъ, скромныхъ страницъ? Отчего исторія этой крестьянки, у которой въ зимнюю выюгу замерзъ мужъ, возвращавшійся съ ярмарки, и которую преслѣдуетъ деревенскій мірошдъ за то, что сынъ его любитъ ея молодую дочь и можетъ на ней жениться, отчего эта драма, простая какъ сама жизнь, такъ живо захватываетъ все существо? — Оттого что предъ вами живутъ люди во всей своей реальности, оттого что страданіе злополучной Приски прочувствовано и передано съ такою силой и правдой, которыя говорятъ не только о большомъ талантѣ, но и о высокой душѣ. Предъ вами всѣ изгибы внутренняго міра несчастной старухи, съ ея мыслию, ея міровоззрѣніемъ; здѣсь она сама, съ ея изстрадавшимся, измученнымъ лицомъ, ~~ея~~ ~~большимъ~~ духомъ, ея смертной тоской. Эта искренность, эта сила образа дѣлають его близкимъ и роднымъ. Въ сценахъ самыхъ простыхъ, бесконечно простыми „пріемами“, обыденными, *простыми* словами, авторъ достигаетъ высокаго трагизма. Такова сила трезваго искусства и такова сила таланта, когда онъ направленъ на добро! Когда народная жизнь рисуется съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ въ душу выводимыхъ людей, съ такимъ неложнымъ знаніемъ, — тогда какимъ неожиданнымъ свѣтомъ озаряется она, насколько живѣе мы начинаемъ чувствовать и понимать ее!..

Г. Мирный — полный хозяинъ въ изображеніи средѣ. Народная жизнь — это ясно — извѣстна ему во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ изгибахъ. Онъ проникнуть народнымъ міровоззрѣніемъ... Писать по малорусски возможно всякому, знающему языкъ, но стать правдивымъ образителемъ народной малорусской жизни можетъ только писатель, дышавшій за одно съ той жизнью, жившій ею, полный ея образами, думающій по-малоруски. Разверните любую страницу „Новин“. Какое

полное отсутствіе малѣйшаго усилія; какъ въ рѣчахъ, въ описаніяхъ, въ обстановкѣ все является само собою, на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Писатель видѣвшій народную жизнь мелькомъ, налетами, заботясь о вѣрности «обстановки», ударится въ фотографію и потеряется въ мелочахъ. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Языкъ живой и естественный, хранитъ цѣломудренность народной рѣчи и брезгаетъ «ковкой». Авторъ слишкомъ хорошо знаетъ его, чтобъ прибѣгать къ выдумкѣ. Читая «Полю», чувствуешь красоту и образность этой рѣчи и видишь воочію, какое значеніе имѣетъ она, когда ею, этимъ *народнымъ словомъ*, описывается жизнь народа. Этотъ языкъ слитъ со всѣмъ складомъ понятій, выросъ со всею духовною природою украинца, и гдѣ найдти лучшихъ красокъ для изображенія его жизни, какъ не въ его родномъ словѣ?

Судьбу Приськи и ея дочери могутъ находить слишкомъ исключительно, краски писателя слишкомъ мрачными. Мы скажемъ на это, что нѣтъ въ этой судьбѣ ни одной черты, ни одной подробности, которая не была бы волюнѣ обыденна, волюнѣ реальна и возможна. Авторъ не говоритъ и не хочетъ сказать, чтобъ такъ жили всѣ женщины въ народѣ. Изъ массы типичныхъ явленій онъ беретъ то, которое нужно для задуманной имъ романтической коллизіи. Это — его право. На ряду съ жизнью этихъ двухъ женщинъ рисуются разнообразныя фигуры крестьянства, отъ бездушнаго, злого стяжателя и воротилы Грицька Супруненка, злого генія Приськи, до прямодушнаго, добраго Карпа и его жены, этой честной пары, оставляющей такое благое, умиротворяющее впечатлѣніе. Описываетъ ли онъ волостной судъ или сельскую сходку, въ крестьянской толпѣ вы узнаете знакомыя, живыя лица. Но центромъ дѣйствія, согласно жизни, остается все та-же тѣсная, низенькая хата, съ ея убогой обстановкой, длинными трудовыми буднями, ея вѣчной заботой...

Только разъ, въ одной главѣ, разсѣвается немного этотъ мракъ. На дворѣ рождественская ночь, колядеп. Христа (очевидно главное лицо романа, находящееся еще на второмъ планѣ), урвавшись на минуту отъ матерв, идетъ колядовать съ дивчатами. Какой поводъ для наблоннаго романиста уснастить всю эту сцену этнографическими подробностями и блеснуть легкой эрудиціей, доставляемой съ полкомъ библіотеки! У г. Мирного на первомъ планѣ *люди*, а не *обычи*, и все выступаетъ въ мѣру, все рисуется естественнѣе и ярче. Эта пятая глава заключаетъ въ себѣ сцену любви и проникнута поэзіей глубокой и непорочной, какъ лунный свѣтъ, озаряющій эту зимнюю ночь.

Говоря о первой части обширнаго цѣлага, мы можемъ навлечь на себя упрекъ въ поспѣшности заключеній. По счастью г. Мирный далеко

не новичекъ въ литературѣ и далъ блистательныя свидѣтельства своего дарованія. Извѣстенъ романъ его, написанный въ сотрудничествѣ съ другимъ писателемъ, вышедшій за границей. Это произведеніе рано или поздно должно быть возвращено родной литературѣ и занять въ ней видное мѣсто. Изъ львовской газетѣ „Правда“, въ тѣ годы, какъ она получалась въ Россіи, появились еще два разсказа автора «Новін». Къ несчастью они не вышли отдѣльно и теперь извѣстны только небольшому числу завязтыхъ книжнчковъ.

„Лихій попутавъ“ -- первое, молодое произведеніе писателя -- исторія горя и радостей сельской дивчины, убогой наймички. Она служила въ городѣ и тамъ мелькнулъ ей заманчивый обликъ счастья. Неумирающая потребность этого счастья и жажда любви, присущая молодой порѣ, ослѣпили ее. Оказался обманъ. Наступили черныя дни скуженія, безъ просвѣта, безъ надежды впереди. Этотъ разцвѣтъ безхитростной, простой души и постепенное, тяжелое ея увяданіе исполнены свѣжести и чувства.

„Пьянниця“ -- другой психологическій этюдъ. -- Молодецкій чиновникъ, существо робкое, тихое, «осмѣлился» полюбить дочь хозяйки -- мѣщанки, у которой стоитъ на квартирѣ. Первымъ поводомъ сближенія была его скрипка, его музыка. Потомъ пошли уроки грамоты. Тихое счастье этой художественной пѣжной натуры было разбито вдругъ, съ неожиданной, дружеской стороны. Пріѣхалъ братъ чиновника и, съ опытностью браваго, красиваго молодца, посмѣялся надъ мечтами любви, одержавъ легкую побѣду. Маленькій чиновникъ заявилъ съ горя и превратился скоро въ забитое, вѣчно пьяное, несчастное созданіе, шута и посмѣшище веселыхъ посѣтителей губернскихъ бабаковъ. Личность этого чиновника отличается необыкновеннымъ рельефомъ и весь разсказъ дышетъ гуманнымъ чувствомъ.

Г. Мирный по преимуществу психологъ. Присѣтствуя его съ глубокимъ сочувствіемъ, мы не можемъ не порадоваться той пользѣ, которую его замѣчательный талантъ душевнаго анализа, въ соединеніи съ его знаніемъ быта народа, можетъ принести въ изученіи народной жизни и типовъ народной среды. Всѣ любители малорусскаго слова ознакомятся конечно съ его романомъ. Въ сборникѣ «Рада» они найдутъ, кромѣ того, новую повѣсть Левяцкаго, мастерской, граціозной «капризъ» Мордовцева и, съ подписью «Ратай», нѣсколько звуковъ той кобзы, къ знакомому голосу которой нельзя никогда оставаться равнодушнымъ.